

ДОПУСТИМОСТЬ СУБЪЕКТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СТРАХОВОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

*Роланд Роландович Гаприндашвили, ст. преподаватель
кафедры гражданско правовых дисциплин
Тел. (495) 783-68-48, e-mail: rolbek@mail.ru
Московского университета им. С.Ю. Витте
<http://www.muiiv.ru>*

В статье обосновывается возможность субъектных изменений в страховом обязательстве, приводятся мнения различных ученых по данному вопросу.

Ключевые слова: обязательства, субъекты страхового правоотношения, третьи лица, уступка прав.

Традиционно среди субъектов страхового правоотношения выделяют страховщика, страхователя, а также третьих лиц, которые не являются сторонами страхового обязательства, но тем не менее отнесены к участникам этого правоотношения: выгодоприобретатель, а в обязательствах личного страхования еще и застрахованное лицо.

Принимая во внимание общие для всех обязательств правила главы 24 ГК, заме-

Р. Р. Гаприндашвили

тим, что в науке гражданского права до сих пор актуален вопрос о субъектных изменениях применительно к страховому обязательству.

На наш взгляд, говоря о перемене лица в обязательстве на стороне страховщика, необходимо иметь в виду, что подобные ситуации возможны, когда речь соответственно идет об универсальном правопреемстве и о двух случаях сингулярного правопреемства: об уступке прав и о переводе долга.

Небогатую размышлениями литературу по вопросу возможности уступки прав страховщика третьим лицам можно представить двумя группами авторов. Одни полагают, что в отсутствие специальных запретов действует общее правило, допускающее уступку прав [14, с. 412; 5, 6]. Другие, по причинам нам неизвестным, в противоположность первым заявляют о невозможности такой уступки [11, с. 53].

Представляется, что более близки к истине те, кто с определенными допущениями допускают возможность цессии. Действительно, используя такой способ толкования, как *a contrario* (от противного), в качестве общего правила в ст. 383 ГК сформулирована презумпция о способности к уступке любых прав. Исключением из данного правила являются высокоперсонифицированные права, уступка которых прямо запрещена законом (требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью), но перечень которых не может быть признан исчерпывающим.

Как отмечает Е.А. Крашенинников, высокоперсонифицированную окраску имеют такие требования, как, например, требования о компенсации морального вреда или о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью [9, с. 83].

Поэтому для признания неверного, с нашей точки зрения, утверждения о невозможности уступки прав страховщика справедливым необходимо, чтобы его права были высокоперсонифицированными, передача которых другому лицу привела бы к результату, существенно отличному от преследуемого при установлении обязательства [12]. А о каком, например, существенном отличии можно говорить, когда один страховщик уступил другому лицу права требования к страхователю на уплату страховых платежей?

Аналогичный приведенному примеру случай рассматривался арбитражным судом кассационной инстанции, который пришел к выводу, что отсутствие у цессионария лицензии, которая требуется страховщику, свидетельствует исходя из ст. 383 ГК о невозможности цессии как прав, неразрывно связанных с личностью кредитора [18]. Несложно заметить, что статья, на которую ссылается суд, не предполагает наличие каких бы то ни было условий действительности совершаемой уступки, соблюдение которых (как, например, наличие лицензии) допускает цессию. Наоборот, эта статья, в отличие от ст. 388 «Условия уступки требования», не предполагает каких-либо на сей счет исключений и говорит о запрете любой и всякой цессии высокоперсонифицированных прав.

Очевидно, что суд в данном случае допустил ошибку, не отличив высокоперсонифицированные права требования от прав требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника (п. 2 ст. 388 ГК). Как говорит Л.А. Новоселова, в таких обязательствах «значение личности кредитора определяется особенностями его правового статуса и/или характером его участия в правоотношении» [11], но решающими обстоятельствами тем не менее не являются.

Между тем в примере об уступке требования на уплату страховых платежей оно не может быть признано высокоперсонифицированным и потому, что «должнику по денежному обязательству в принципе безразлично, кому осуществлять платеж. По мнению Г. Ласка, право на получение денег является типичным примером уступаемого права. «Обязанность должника установлена, и время исполнения не увеличивается от того, что платеж должен быть произведен не кредитору, а цессионарию. К исполнению любой договорной обязанности примешивается элемент личных отношений. Однако уплата и получение денег предполагают минимум личных связей» [12].

Следовательно, можно сделать следующий вывод: уступка прав страховщика третьему лицу допустима, пока страхователь не докажет, что исполнение обязанностей последнего возможно только cedentu-страховщику, исходя из их личных отношений. При этом сделка цессии, совершенная в нарушение названного условия, не порождает перехода права до тех пор, пока такого согласия не будет получено от должника.

Не менее важным при анализе случаев изменения лица в страховом обязательстве является вопрос о переводе долга страховщика на третье лицо, в решении которого юридическая литература также не содержит единообразного подхода [11; 7, 8].

По общему правилу перевод долга допустим с согласия делегатария – кредитора по основному обязательству [1], т.е. в данном случае страхователя (п. 1 ст. 391 ГК).

Дополнительно к названному условию В.А. Белов назвал недопустимость перевода таких долгов, которые законодательно связаны с правовым статусом определенного лица, например, таких, как долга из коносамента на организацию, не являющуюся перевозчиком, или обязанностей по зачислению, перечислению и списанию денег с банковского счета на организацию, не являющуюся банком [1].

Схожее утверждение встречается у Ю.Б. Фогельсона, который в качестве аргумента против перевода долга высказывает позицию, согласно которой отсутствие у делегата (нового должника) [13] страховых резервов (ст. 26 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», именуемого далее – «Закон об организации страхового дела») влечет ничтожность договора как противоречащего сути страховых отношений, определенной ст. 2 названного Закона [13, с. 67].

Другими словами, если экстраполировать суждения В.А. Белова и Ю.Б. Фогельсона в область страховых правоотношений в целом, то общим для двух названных случаев будет являться наличие у лица соответствующей лицензии, которая подтверждает специальный правовой статус такого лица и соблюдение им своей финансовой устойчивости и платежеспособности (ст. 32, 32.3 Закона об организации страхового дела).

Однако отсутствие лицензии (а значит, и специального правового статуса делегата, и необходимых страховых резервов у него или и того и другого) по общему правилу, сформулированному ст. 173 ГК, не влечет ничтожности такой сделки [4, с. 526], а следовательно, и договора перевода долга.

То есть, пока одобренный страхователем договор перевода долга между страховщиком и делегатом, не имеющим лицензии, не оспорен в суде самим делегатом, его учредителем (участником) или госорганом, осуществляющим контроль или надзор за деятельностью юридического лица, субъектные изменения на стороне страховщика в части перевода долга действительны при условии, что сам страховщик при заключении договора перевода долга знал или заведомо должен был знать о его незаконности.

Как и всякое обязательство, страховое помимо субъектных изменений на стороне страховщика может быть подвержено подобным изменениям на стороне страхователя. Основанием для перемены лица в обязательстве, как известно, является либо универсальное, либо сингулярное правопреемство. Последнее может возникать как в случаях цессии, так и в случаях перевода долга, как в силу договора, так и в силу указания в законе [4, с. 532; 5, с. 811; 13; 14].

В связи с тем что закон не допускает уступку высокоперсонифицированных прав (ст. 383 ГК), полагаем, что в случаях личного страхования, когда договор не является в пользу третьего лица, уступка прав невозможна [3; с. 625]. Сложно представить, чтобы права страхователя на выплату страховой суммы по договору страхования на его дожитие были уступлены другому лицу, пусть даже и имеющему страховой интерес.

В судебно-арбитражной практике известны случаи признания прав требования страхователя в договоре имущественного страхования на выплату страхового возмещения высокоперсонифицированными и потому на основании ст. 388 ГК не подлежащими уступке, что навряд ли можно признать обоснованным. Как верно было замечено некоторыми исследователями на сей счет, сложно признать личность кредитора имеющей значение, когда сам закон (п. 3 ст. 930 ГК) допускает заключение договора имущественного страхования в отношении обезличенного выгодоприобретателя [9].

Еще одно обстоятельство, которое способно ограничить возможность уступки страхователем своих прав из договора страхования, М.И. Брагинский обоснованно видит в том, что цессионарий, становящийся на место cedenta, также должен обладать страховым интересом, отсутствие которого исключает возможность цессии [3, с. 626].

В ряду случаев перехода прав к другому лицу на основании закона (*cessio legis*), помимо универсального правопреемства, необходимо назвать случаи цессии при переходе прав на застрахованное имущество к другому лицу в договорах имущественного страхования (ст. 387, 960 ГК). Объяснением такому законодательному требованию является то обстоятельство, что страхователем в договорах имущественного страхования может являться лицо, которое обладает известным основанным на законе, ином правовом акте или договоре интересом в сохранении этого имущества [6, с. 123] (п. 1, 2 ст. 930 ГК). Поэтому при переходе субъективных прав на это имущество очевидно, что лицо, ими не обладающее, не может занимать прежнее место страхователя в обязательстве; оно (место) должно быть уступлено новому обладателю интереса в сохранении этого имущества. Учитывая, что личные неимущественные права неотчуждаемы от их обладателя, данное правило действует только в договорах имущественного страхования.

Вместе с правами из договора имущественного страхования к новому лицу, к которому перешли права на имущество, переходят также обязанности его правопреемника. Особенностью данного перевода долга является то, что согласие кредитора (страховщика), которое по общему правилу должно было бы требоваться (п. 1 ст. 391 ГК), в данном случае не требуется, как и не требуется соответствующей воли делеганта (правопреемника) и делегата (правопреемника).

В связи с тем что участие третьего лица не образует множественности лиц на стороне страхователя, то, следуя верному заключению М.И. Брагинского, невозможно говорить о таком третьем лице как о солидарном, субсидиарном или долевом должнике [3, с. 370]. Следовательно, когда закон говорит о возможности предъявления страховщиком требований к выгодоприобретателю об исполнении не исполненных страхователем обязанностей (п. 2 ст. 939 ГК), очевидно, закон говорит о переводе долга на третье лицо, которое в противоположность общему правилу осуществляется исключительно по воле страховщика, без какого бы то ни было волевого участия страхователя и третьего лица.

В то же время если исполнение обязательств страхователя возложено договором страхования на третье лицо (п. 1 ст. 939 ГК), то подобное перераспределение субъектов, обязанных перед страхователем, возможно признать классической формой перевода долга [3, с. 535] (ст. 391 ГК), когда последний как кредитор, заключив договор страхования на иных, нежели предусмотренные в п. 1 ст. 939 ГК, условиях, тем самым дал согласие на перевод долга, а третье лицо, выражая согласие на вступление в договор (п. 2 ст. 430 ГК), выражает свою волю, которой в том числе охвачено согласие на принятие долга страхователя. Однако, до того как третье лицо подтвердит свое участие в договоре, признать долг переведенным нельзя.

В связи с вышеизложенным, рассмотрим пример [17].

При рассмотрении дела о взыскании ущерба в порядке суброгации суды первой и апелляционной инстанций установили обстоятельства ДТП, наступление страхового случая, размер страхового возмещения, подлежащего выплате, виновность лица, застрахованного ответчиком, причинно-следственную связь между действиями виновного в ДТП лица и негативными последствиями, а также право истца требовать страхового возмещения в порядке суброгации. Однако суды отказали в удовлетворении исковых требований в связи с пропуском истцом срока исковой давности. Суд кассационной инстанции отменил состоявшиеся по делу судебные акты со ссылкой на статьи 15, 965, 1064, 1072, 1079 ГК РФ, разъяснив, что исходя из названных норм права истцу, возместившему вред страхователю, перешли права потерпевшего из обязательства вследствие причинения вреда в результате дорожно-транспортного происшествия. Отношения между страхователем (потерпевшим) и лицом, ответственным за убытки (причинителем вреда), регулируются по правилам главы 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда», в связи с чем и отношения между страховщиком потерпевшего, ставшего на место страхователя на основании пункта 1 статьи 965 ГК РФ, и причинителем вреда регулируются правилами о деликтных обязательствах. С учетом указанных обстоятельств к правоотношениям между страхователем и ответственным за причиненный ущерб лицом применяется общий срок исковой давности, составляющий три года. Установив, что исковое заявление было подано в пределах трехгодичного срока, суд удовлетворил заявленные требования.

В завершение исследования вопроса о субъектных изменениях страхового правоотношения остановимся на тех, которые происходят с третьими лицами, в пользу которых заключен договор страхования.

Рассуждая о признании за выгодоприобретателем права цессии его прав из договора страхования, М.И. Брагинский и Ю.Б. Фогельсон верно отказывают ему в таком праве [13]. Однако в отличие от Ю.Б. Фогельсона, обоснованно усматривающего невозможность существования такого права у выгодоприобретателя ввиду того, что он не является стороной в обязательстве, М.И. Брагинский неудачно, на наш взгляд, названный довод, также им подмеченный, объясняет совершенно иной причиной, кроющейся в высокой персонификации прав выгодоприобретателя (ст. 383 ГК).

Полагаем, что единственным объяснением, имеющим юридическое значение, является все же первое обстоятельство, связанное с тем, что возможностью уступки прав обладает только сторона (кредитор) в договоре [15, с. 4] (ст. 382, 308 ГК). И если у лица

такого права цессии нет, то совершенно неважно, каков характер и объем прав, которые хотелось бы уступить.

Фактически, когда замена третьего лица в договоре страхования все же происходит, речь должна вестись не о перемене лица в обязательстве (глава 24 ГК), а об изменении условий самого договора страхования. Правила замены такого лица, как порожденного условиями договора, регламентируются общими положениями об изменении договора [3, с. 368] (глава 29 ГК).

По общему правилу изменение договора допускается по взаимному соглашению сторон (п. 1 ст. 450 ГК), а в случаях, когда третье лицо подтвердило принятие выговоренного в его пользу права, то и с его согласия тоже, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором (п. 2 ст. 430 ГК). Однако в страховых правоотношениях для случаев изменения договора в связи с заменой третьего лица предусмотрены специальные нормы, которые согласно принципу *lex specialis derogat generali* (специальный закон отменяет действие (для данного дела) общего закона) по-иному определяют волевою составляющую сторон для изменения договора и последствие факта согласия третьего лица воспользоваться своим правом.

Во-первых, с момента, когда выгодоприобретатель как в договоре личного страхования, так и в договоре имущественного страхования выразит свое согласие (намерение) воспользоваться предусмотренным договором страхования для него правом, то замена такого лица, как частного случая изменения договора, исключается (абз. 2 ст. 956 ГК).

Толкуя от противного (*a contrario*), можно сделать вывод, что всякое изменение договора страхования, обусловленное заменой третьего лица, в противоположность общему правилу (п. 2 ст. 430 ГК), возможно до того, как это третье лицо подтвердит принятие выговоренного в его пользу права, т.е. до момента преобразования его вторичного права в субъективное право требования к страховщику.

Во-вторых, для замены выгодоприобретателя в страховании требуется по общему правилу только воля одной стороны в договоре – страхователя, который в одностороннем порядке вправе изменить договор, письменно уведомив страховщика о новом выгодоприобретателе (абз. 1 ст. 956 ГК). Но существуют следующие три особенности.

Первая заключается в том, что в договорах имущественного страхования риска ответственности выгодоприобретателя за причинение вреда (ст. 931 ГК) право страхователя на замену выгодоприобретателя ограничено моментом наступления страхового случая (п. 1 ст. 955 ГК).

Вторая особенность связана с договорами личного страхования и проявляется в том, что дополнительно к воле страхователя требуется соответствующая воля застрахованного лица на замену одобренного им ранее выгодоприобретателя (абз. 1 ст. 956 ГК).

Третья особенность представляет собой исключение из правила, требующего наличие воли страхователя для замены выгодоприобретателя. Суть настоящей особенности в том, что замена выгодоприобретателя [3, с. 534] осуществляется на основании закона и происходит помимо воли сторон договора страхования и третьих лиц. Речь идет об уже упомянутом, применительно к страхователю, случае перехода прав на застрахованное имущество к другому лицу в договорах имущественного страхования (ст. 960 ГК).

И в-третьих, для замены застрахованного лица на другое лицо в договорах личного страхования наряду с волей самого страхователя требуется согласие выбывающего застрахованного лица и страховщика (п. 2 ст. 955 ГК).

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что законодательство допускает субъектные изменения в страховом обязательстве. Однако в отличие от изменений на стороне страховщика и страхователя замена выгодоприобретателя и застрахованного лица допустима только по правилам главы 29 ГК, определяющей положения об изменении договора.

Литература

1. Белов В.А. Договор перевода долга по российскому гражданскому праву // СПС «КонсультантПлюс». 2013.
2. Белов В.А. Договор перевода долга в российском гражданском праве // Законодательство. 2000. № 9.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2003.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договорное право. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – М.: Статут, 2003.
5. Гражданское право. Том 1 / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944.
6. Дедиков С. Страховщик без портфеля // Бизнес-адвокат. 2005. № 8.
7. Дедиков С. Передача портфеля: правовые проблемы // Бизнес-адвокат. 2004. № 24.
8. Комментарий к Постановлению ФАС Московского округа от 31.05.2004 г. № КГ-А40/4066-04 // СПС «КонсультантПлюс». 2013.
9. Крашенинников Е.А. Допустимость уступки требования // Хозяйство и право. 2000. № 8.
10. Масевич М.Г. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: Издательский дом «ИНФРА-М», 2005.
11. Новоселова Л.А. Ограничения перехода прав кредитора другим лицам // СПС «КонсультантПлюс». 2013.
12. Собакинских А.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: Издательский дом «ИНФРА-М», 2006.
13. Фогельсон Ю.Б. Комментарий к страховому законодательству. – М.: Юристъ, 2002.
14. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Том II. Товар. Торговые сделки (4-е изд.). – СПб: Бр. Башмаковы, 1908.
15. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.01.1998 г. № 1386/96 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 5.
16. Обзор практики рассмотрения Федеральным арбитражным судом Московского округа споров в сфере страхования (за апрель-сентябрь 2004 года) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23.08.2012 г. по делу № А40-83023/11-43-560 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11.03.1999 г. № КГ-А40/554-99 // СПС «КонсультантПлюс».

The validity of subjective changes in the insurance obligation

Abstract. The article substantiates the possibility of subjective changes in the insurance obligation, are the opinions of various scholars on this issue.

Key words: obligations of subjects of the insurance legal relations, third parties, assignment of rights.

Roland Rolandovich Gaprindashvili, senior lecturer, of the department of civil law disciplines